

5. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ

Л.М. Вардомацкий

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: Lvardomackij@gmail.com

УДК 811.161.3'373.2-115

Названия некоторых цветочных и травянистых растений в белорусском языке на диалектном и общеславянском фоне

Ключевые слова: *антропоцентризм, ономастика, номинации, номинативная лексика, номинативное поле, народные названия, фитонимы, ассоциации, растительный мир, лексикография.*

В статье на примере некоторых белорусских названий цветов и трав, рассматриваемых на белорусском диалектном фоне с привлечением материала других славянских языков и в контексте общеславянских фитонимических исследований, делается попытка определить некоторые принципы, методы и возможности описания ботанической номинативной лексики. Предполагается, что такое сопоставительное исследование с привлечением исторического материала позволит установить механизмы возникновения фитонимов, отражение в них мировоззренческих особенностей носителей языка.

L.M. Vardomatsky

Vitebsk State University named after P.M. Masherova

Names of some flower and herbaceous plants in the Belarusian language on a dialectal and common Slavic background

Key words: *anthropocentrism, onomastics, nominations, nominative vocabulary, nominative field, folk names, phytonyms, associations, flora, lexicography.*

In the article, on the example of some Belarusian names of flowers and herbs, considered against the Belarusian dialectal background with the involvement of material from other Slavic languages and in the context of common Slavic phytonymic studies, an attempt is made to determine some principles, methods and possibilities for describing the botanical nominative vocabulary. It is assumed that such a comparative study with the involvement of historical material will make it possible to establish the mechanisms for the emergence of phytonyms, reflecting in them the worldview features of native speakers.

Как известно, любые изменения, происходящие как внутри языкового единства, так и в процессе межъязыковых контактов, активно отражаются в лексическом составе языка. Именно поэтому язык является ценнейшим источником изучения истории народов и их взаимодействия в различных областях общественной жизни с другими народами [1, 87]. Понятно, что не любая лексика и не любые тематические группы слов любого языка несут в себе исторически когнитивную информацию. Надежным и объективным свидетелем различных процессов, протекавших в истории формирования, русского, белорусского и других славянских языков (и объясняющим эти процессы!), по справедливому утверждению Иоанны Кампер-Варейко, известной исследовательницы истории польской ботанической лексики, является номинативная лексика «живой природы». По ее мнению, «bardzo dobrym przykładem (językowego) odbica owej obiektywniej rzeczywistości jest właśnie nazewnictwo przyrodnicze. Zjawisko to uwidacznia się w wielu tworzonych na gruncie polskim

fitonimach, które często są rezultatem prostych skojarzeń, odniesień do elementów otaczającego świata – koloru, miejsca występowania, podobieństwa, a także przeznaczenia, działania i właściwości leczniczych roślin...» – ‘очень хорошим примером отражения в языке объективной реальности являются названия объектов природы. Это явление хорошо просматривается во многих польских фитонимах, образованных или в результате простых ассоциаций, отсылок к элементам окружающего мира – цвету, месту возникновения и произрастания, а также предназначению, воздействию и целебным свойствам растений’. (*Здесь и далее по тексту перевод с польского наш – Л.В.*) [2, 7]. Это утверждение В. Будишевской в полной мере справедливо по отношению к любому славянскому языку (как и к другим языкам). Согласно этому мнению, именно номинативная лексика растительного мира дает возможность получить наиболее полную информацию об особенностях мировоззрения и мировосприятия носителей языка в эпоху формирования такой лексики. А исторические изменения в составе и структуре «растительных номинаций», как и их территориальных особенностей, дают соответственно возможность говорить об изменениях отношений «человек – природа», об углублении и расширении знаний человека о природе и возможностей использования ее элементов в хозяйственной деятельности.

В западнославянском языкознании исследования данной проблемы имеют уже длительную историю и значительные теоретические и лексикографические разработки. Так, широко известны работы по этой проблематике, кроме уже названной И. Кампер-Варейко, публикации Й. Ростафинского, В. Будишевской, L. Bednarszuk и др. Белорусское языкознание, несмотря на значительный вклад в мировую ономастику, в разработке проблем сравнительно-исторических исследований белорусской фитонимии на общеславянском лингвистическом фоне, еще не получила должного воплощения.

Цель работы – определить некоторые принципы, методы и возможности описания белорусской ботанической номинативной лексики на диалектном и общеславянском языковом фоне и в контексте общеславянских фитонимических исследований.

В подходе к этой проблеме мы исходим из того, что общие принципы и методы описания ботанической лексики, предлагаемые И. Кампер-Варейко, применимы к изучению соответствующей лексики любого языка, поскольку, как утверждает исследовательница, «механизмы их возникновения в разных языках подобны, на разных этапах развития языков являются общими и хорошо демонстрируют антропоцентрическое видение мира» [2, 7].

Антропоцентрический подход к проблеме в данном случае видится в том, что, при анализе структуры номинативного поля каждого фитонима, в качестве его ядра определяется собственно человек, с его пониманием особенностей содержания и отношений каждого понятия-названия, а совокупность всех вариантов наименований – его периферия. С теоретической точки зрения в соотношении «ядро – периферия» ядро, как правило, относительно константное понятие, периферия – способна к изменениям, подвижна и определяется совершенно разнообразными опытными и ассоциативными связями. Вся жизнь человека практически проходила в мире растений, которые являлись и пищей, и лекарством, и оберегом, и просто строительным материалом. И именно увиденные, подсмотренные, выявленные в результате многовекового опыта содержательные внешние или внутренние особенности растения ложились в основу его номинации. У разных людей или народов на первый план могли выступать разные внешние качества или полезные свойства многих растений, а постоянно углубляющиеся знания о возможностях их использования в жизни людей как раз и приводили к появлению новых вариантов названий. Именно в этом причина того, что многие растения представлены большим количеством названий как в разных родственных языках, так и внутри каждого из славянских языков. На это обращала внимание еще Е. Ожешко, которая много страниц своей работы «Ludze i kwiaty nad Niemnem» (‘Люди и цветы над Неманом’) посвятила белорусским народным названиям различных растений. Описывая, в частности, встречу с одним из крестьянских

парней, во время которой она интересовалась местными названиями растений, она записала: «Это был трудно открываемый, но настоящий мешок знаний о местной флоре» [3, 690].

В качестве примеров номинативного разнообразия названий растений фрагментарно рассмотрим некоторые из официальных белорусских названий цветов и трав в сопоставлении с так называемыми народными белорусскими названиями и их соответствиями в других славянских языках. В качестве заглавного слова приводится официальное белорусское название, зафиксированное в «Определителе растений Белоруссии» [3].

Асака. (*Carex vesicaria*). Народн. назв. *турэцкі перац*. В русск. *осока*, болг. *острица*, польск. *turzusa pęcherzowata* (букв. ‘осока мочевого пузыря’, что, вероятно, связано с лечебными свойствами растения).

Бабок (*Menyanthes trifoliata*). Народн. назв. *бобак*. В русск. *вахта (трифоль)*, польск. *bobrek trójlistny*.

Верабейнік. (*Lithospermum arvense*). Народн. назв. *палявая ніца, свёкла* (русск. *свёкла* к данному виду отношения не имеет). В русск. *воробейник*, в польск. *pawrót polny*.

Вясёлка (*Iris sibirika*). Народн. назв. *заячы аер, касач*. В русск. *ирис, радуга сибирская*, польск. *kosaciec sybirski*.

Ветрагонка (*Anemone sylwestris*). В русск. *ветреница*, польск. *zawilec lesny* (‘завилец лесной’), болг. *съсьнка* (‘букв. кошмар’).

Гладун (*Herniaria glabra*). Народн. назв. *сабачае мыла*. Такое название растения возникло, вероятно из-за того, что при растирании его листьев выделяется пена, похожая на мыло. В русск. *грыжник* (в названии зафиксировано лечебное свойство растения), польск. *połoniczek gładki*.

Дзераза (*Stellaria graminea*). Народн. назв. *дзярозка, зоркаўка*. В русск. *плаун* (в говорах *звездчатка*), польск. *widlak, gwiazdownica*. (Э. Ожешко считает, что два последних польских названия обозначают похожие, но разные растения).

Канюшына (*Trifolium alpestre*). Народн. назв. *конікі, грымотнік*. («*Koniki* – одно из наиболее употребляемых крестьянами растений при болях в желудке и в груди», – замечает Э. Ожешко). В русск. *клевер*, польск. *koniczyna lesna*.

Касач (*Iris pseudacorus*). Расположение его листьев похоже на косы. Однако до настоящего времени практически на всей территории Беларуси и сегодня распространено название *аер*. Такое название – *ajer* – могло закрепиться в связи с тем, что в корневище этого растения много эфирных масел, которые и сегодня используются в фармакологии и парфюмерии. В русск. *ирис* (закрепилась латинская форма), но в говорах, как отмечается и в словаре В. Даля, чаще встречается другое название – *татарник*. В польск. *kosaciec żółty*, потому что цветет желтыми цветами.

Крапінец (*Polygala vulgaris*). Народн. назв. *сардэчнік* (Судя по названию, это растение применялось при сердечных заболеваниях), *лісіны хвост, лісахвост*. Русск. Народн. *Лягушка, лисохвост, истод*. В польск. *krzyżownica rozpolita*. В болг. *обикновена лисича*.

Крынічнік (*Veronica chamaedris*). Народн. назв. *вераніка, жывотапарушэнец* (букв. ‘порушитель живота’), *сабачая мята*. В русск. *вероника*, в болг. *вероника*, в польск. *przetacznik łąkowy*.

Купена (*Polygonatum anserps*). Народн. назв. *зайцава вушка*. В русск. *купена*, польск. *kokoryczka właściwa* (‘хохлатка’), болг. *Соломон печат* (Соломонова печать).

Маруна (*Galium boreale*). Народн. назв. *белая камела, кашка* – ‘клевер’, *павіліца*, русск. *подмаренник*, польск. *przysłupka różnospa*. В современных народных говорах широко известна.

Панікніца (*Geum rivale*). Народн. назв. *сончыкі, лялечны кулон*. В русск. *гравилат, кукольный кулон*, в польск. *kuklik zwisły*.

Першацвет, прымула (*Primula officinalis*). Народн. назв. *ключыкі, грамкі*. В русск. *первоцвет лекарственный*, в болг. *примула*, в польск. *Pierwiosnka (kluczyki)*.

Расходнік (*Sedum acre*). Народн. назв. *рыцытнік*. Обратим внимание, что если официальное название несет в себе внешне понятную мотивирующую основу, то народное название с точки зрения современного русского или белорусского языков такой отсылки не имеет. Хотя, как правило, именно народные названия имеют мотивированную основу. В русск. *очиток едкий*, болг. *тлъстига*, совр. польск. *rozchodnik*.

Свірэніца, чаще известная как *рэпа звычайная* (*Raphanus raphanisticum*). Народн. назв. *свірэпка*. В совр. русск. *репа обыкновенная (сурепица)*, в болг. *обикновена ряпа*, в польск. *rzepica pospolita*.

Сон (*Pulsatilla pratensis*). Народн. назв. *заячы сон*. В русск. *прострел*, польск. *sasanka zwista*.

Сонцацвет (*Helianthemum vulgare*). Народн. назв. *жывоцнік*. В русск. *солнцецвет*. Сравним также с латинским *Helianthem* – ‘подсолнух’. Э. Ожешко считает, что польским эквивалентом этого названия является *posłonek pospolity*, что соответствует белор. *ежа звычайная*, русск. *обычная еда*, болг. *обицо хранене*. Это же и в английском – *common teal*. Однако в современном польском языке есть и слово *żwiotnik*, что соответствует русскому *туя*.

Сушаница (*Gnaphalium divicum*). Народн. назв. *зайчыкі*. В русск. *сушеница*, польск. *szarota, kochanki dwudomowe* (букв. ‘любовники двудомные’).

Урочнік (*Carlina vulgaris*). В русск. *колючник* (вероятно, по форме колючих по краям листьев, которые имеют зубчатую форму), польск. *dziewięcsil pospolity*.

Шабельнік (*Comarum palustre*). Народн. назв. *парушэнік, мацічнік* (букв. ‘расслабитель утробный’), *валасы лугавыя, сямігарэлка*. В русск. *сабельник болотный*, болг. *блатна сабя*, польск. *siedmiopalecznik blotny* (букв. ‘семилишайник болотный’).

Ястрабок (*Hieracium*). *конскі малачай*. В русск. *ястребинка*, сербск. *јастреб*, польск. *jastrzębiec*.

Ятрышнік (*Orchis latifolia*). Народн. назв. *уразнік, загартушка*. В русск. *ятрышник широколистный*, польск. *storczyk szerokolistny*. По легенде, растение обладает сильной таинственной силой, способной *уразиць* (поразить) человека, его корень выглядит необычно и похож на пять согнутых пальцев человеческой ладони.

К сожалению, до настоящего времени в белорусской лексикографии пока еще отсутствуют достаточно полные словари названий различных классов растений, которые бы включали в себя официальные названия на общем фоне всего разнообразия народных названий. А между тем такая работа помогла бы сделать еще один шаг в направлении более глубокого понимания как межъязыковых, так и ассоциативных связей, формирующих лингвистическую картину мира народа.

Літаратура

1. Вардомацкий, Л.М. Славянские названия растений в определении этногенеза славян (ель, сосна) / Л.М. Вардомацкий // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIV(71) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 6 февраля 2020 г. – Витебск, 2020. – С. 87–89.
2. Kamper-Warejko, J. Słownictwo botaniczne w polskim tłumaczeniu «Książ o gospodarstwie» (1571) Piotra Krescencjusza na tle epoki / J. Kamper-Warejko. – Toruń, 2016. – 375 с.
3. Orzeszkowa, E. Ludze i kwiaty nad Niemnem / E. Orzeszkowa // Wisła, 1888. – Т. II. zeszyt 4. – S. 675–703.
4. Определитель растений Белоруссии / под общ. ред. Б.К. Шишкина, М.П. Томина, М.Н. Гончарика. – Минск, 1967. – 872 с.